

6 - МАР 1934

Из „трудового списка“ НАРОДНОЙ АРТИСТКИ РЕСПУБЛИКИ Е. П. КОРЧАГИНОЙ-АЛЕКСАНДРОВСКОЙ

В связи с 45-летием сценической деятельности народной артистки республики Е. П. КОРЧАГИНОЙ-АЛЕКСАНДРОВСКОЙ Государственный академический театр драмы издает ее воспоминания о пройденном сценическом пути.

Воспоминания выходят с предисловием президента Академии наук СССР А. П. КАРПИНСКОГО. Редакция и примечания С. С. ДАНИЛОВА.

Помещаем отрывок из воспоминаний любимой народной артистки.

— Мне едва минуло шесть лет, когда я в первый раз вышла на сцену. В это время мы были в Саратове. Шла пьеса «Испорченная жизнь» с участием моего отца и известных провинциальных актеров Шебуевой, Новикова и Иванова-Козельского. Мне была поручена роль мальчика; как сейчас помню, меня выносили на плечах на сцену Новиков. До сих пор не забыла я и текста моей первой роли:

«Вы, друзья, моей красотки
Не встречали ли порой?
В целом нашем околдье
Нет красавицы такой.
Это — Грушенька-шалунья.
Это — девушка-игрунья,
Только юбка за душой».

По окончании акта все исполнители, а в том числе и я, несколько раз выходили раскланиваться на аплодисменты. Наконец, выпустили меня одну. Я вышла за занавес, гордо раскланялась и на обратном пути прихвастнула перед театральными плотниками: «вот, мол, одну вызвали».

После «Испорченной жизни» я время от времени играла маленькие ролики. Помню полный конфуз, который произошел со мною в Борисоглебске, когда мне

было лет десять. Я должна была выступать в водевиле «Любовное зелье». Моя ролька имела куплеты на очень примитивный мотив. Этот мотив я выучила так, что могла пронять даже спрессовок. Но, когда настал день спектакля и я вышла на сцену, вся роль выскочила у меня из головы. Вот суфлер уже простучал молоточком, подавая знак оркестру, вот оркестр сыграл отыгрыш, повторил его еще раз, вот капельмейстер вновь взмахнул палочкой... а я все молчу. Мой партнер по сцене шепчет мне: «Пой, пой, Катя». Но вместо этого слезы брызжут из моих глаз, и меня уводят со сцены.

В одно из этих ранних выступлений со мной едва не произошел трагический случай. В Архангельске, куда мы приехали с матерью после смерти отца, мне пришлось играть в пьесе «Лесной бродяга». По ходу пьесы я лежала в гамаке, к которому с дерева спускалась змея. Эту змею в тот самый момент, когда она уже почти касалась меня, должен был убить молодой лесной бродяга. Актер Трубецкой, игравший бродягу, выстрелил, но карабин дал осечку. В то время вместо сотрудников на сцене стояли солдаты. И вот Трубецкой выскочил за кулисы, схватил у одного из солдат ружье и повторил выстрел. Ружье оказалось заряженным боевым патроном, и я едва успела нагнуться, как надо мной прожужжала пуля.

По окончании сезона в Архангельске мы поехали в Могилев. Там я играла маленькие выходные роли и в том числе изображала одного из развратных молодых людей в «Разбойниках» Шиллера. Я важно ходила по сцене с ружьем, но во время массовой сцены меня кто-то ударил прикладом по голове. Я испугалась, присела за куст и так просидела там не шевелясь до конца акта.

Здесь в Могилеве я с особенной остротой почувствовала всю тяжесть своего детства. Мне приходилось бывать в обществе молодежи — местных гимназистов и гимназисток. И мне было очень горько, что я не учусь, как они, в гимназии. Так никогда мне и не удалось получить систематическое образование. Только урывками, случайными уроками отдельных учителей я имела возможность получить элементарные навыки грамотности. В детские годы я с завистью смотрела на своих сверстников, горькой идущих из школы. Чтобы хоть немного походить на них, чтобы создать себе некоторую иллюзию, что «я, как все», я попросила мать сделать мне коричневое платье и черный передник. От этих встреч с могилевской молодежью у меня до сих пор уцелело в памяти стихотворение, которое посвятил мне один гимназист...

По-настоящему работать в театре я начала с тринадцати лет. В это время моя мать оказалась без места и приехала в Москву искать ангажемент на зимний сезон. Ангажемент мать не получила. Но зато я узнала, что набирает труппу известная московская антрепренерша Горева, имевшая в Москве три театра. Вот я и отправилась к Горовой.

— Что же я буду с вами делать, вы совсем ребенок, — воскликнула Горева.

Однако, я упростила ее меня просила и прочла ей стихотворение Некрасова «Повенчавшись, Парасковье мужимуществом казал». Горовой понравился мое чтение, и она сказала, что может взять меня на жалованье в 20 руб.

в месяц. Так я поступила на службу в театр.

У Горовой было в Москве три театра: в Камергерском переулке, где сейчас находится МХАТ, в клубе Немецкого собрания и оперный театр. Чаще всего мне приходилось играть в театре в Камергерском переулке. У Горовой в это время была составлена прекрасная драматическая труппа: Рошин-Инсаров, Петипа, Синельников, Немирова-Ральф и другие крупные актеры. Необычайно тщательно и исторически верно обставлялись спектакли. И по сравнению с провинциальным обычаем много времени уделялось репетиционной работе. Правда, по-нынешнему репетиций было все же очень мало — десять, двенадцать, не больше. У Горовой я играла преимущественно роли трагести: сына в пьесе «Двуружница», мальчишку в пьесе «Ограбленная почта» и т. д. В течение спектаклей, в которых я не была занята, я постоянно торчала за кулисами, следила за ходом действия. И, вероятно, в моей памяти уцелело бы много впечатлений об этом театре, если бы вскоре после моего поступления Горева не прогорела. Театр закрылся, и труппа разбрелась в разные стороны.

Полуголодное существование владели мы с матерью, когда я служила у Горовой. 10 рублей мы платили за маленькую комнатку на Патриарших прудах, а на десять рублей питались вдвоем. Но, когда рухнуло дело Горовой, мы остались буквально без копейки и сразу же продали последние вещи. Были периоды, когда я ходила голодная по трое суток. Помню, что однажды я не выдержала и пошла к одним знакомым в надежде, что они меня покормят. Но мою бедную знакомую уехали куда-то за город. Открывшая мне дверь женщина, однако, заметила мой изнуренный вид и сама предложила мне поесть. Я с радостью согласилась, и женщина провела меня в сторожку, где мне дали шей с большим куском черного хлеба.

Из Москвы я поехала в Тулу с группой актеров, служивших у Горовой. Здесь я получала по три рубля за спектакль. Каждые два дня я сообщала матери письмом о ходе своего заработка, который бережно откладывала в специальный мешочек, всегда висевший на шее. По окончании условленного числа спектаклей я умудрилась накопить 30 рублей и необычайно волновалась за их судьбу: мне все казалось, что их могут украсть. И ночью в гостинице я не только накрепко заперла дверь, но завязывала ее полотенцем, не гасила свечи и почти не ложилась спать.

После Тулы я служила в целом ряде других крупных провинциальных городов: Пенза, Тамбов, Пермь, Елец, Орел, Могилев и т. д. Помню, что в первое время службы в провинции я получала 40 руб. в месяц. Но позднее стала получать вдвое больше и даже имела номинальные бенефисы, денежная сущность которых состояла в том, что на билет делались копеечные накладки, поступавшие в пользу бенефицианта. Этих средств было конечно совершенно недостаточно, и я, как зеницу ока, берегла для сцены туфли и чулки.

(Окончание в следующем номере).